

HISTORY OF THE EAST Universal History ИСТОРИЯ ВОСТОКА Всеобщая история

Научная статья

Исторические науки

УДК 94(575.1)"17/19

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-1-27-44>

Вазират в Хивинском ханстве при Кунгратах (вторая половина XVIII — начало XX в.)

Сергей Сергеевич Вдовин

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

sergey11vdovin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3493-3963>

Аннотация. Данная статья посвящена теме вазиров Хивинского ханства эпохи Кунгратов (вторая половина XVIII — начало XX в.). На основе хроник, написанных на чагатайском языке, воспоминаний путешественников и иностранных агентов и прочих материалов производится попытка рассмотреть положение вазиров в Хиве, их полномочия и титулатуру. Делается вывод об изменчивости обязанностей и степени влияния чиновников при хивинском дворе и о факторе их личной зависимости от ханов. Рассматриваются полномочия вазира в сравнении с теми, которыми обладали те или иные придворные и государственные чины. Сделана попытка, опираясь на местные письменные источники, дать характеристику титулов и эпитетов, сопровождавших вазирское достоинство.

Ключевые слова: Хорезм, Хивинское ханство, Кунграты, вазират, титулатура

Для цитирования: Вдовин С. С. Вазират в Хивинском ханстве при Кунгратах (вторая половина XVIII — начало XX в.). *Ориенталистика*. 2026;9(1):27–44. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-1-27-44>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Вдовин С. С., 2026

© Ориенталистика, 2026

The Vazirate in the Khiva Khanate under the Qungrat Dynasty (the Second Half of the 18th — Early 20th Century)

Sergei S. Vdovin

*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
sergey11vdovin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3493-3963>*

Abstract. The article is devoted to the evolution of the vazirate in the Khiva Khanate under the Qungrat dynasty (the second half of the 18th — early 20th century). It considers the position of the vaziers in Khiva, their powers and titles and is based on Chagatai chronicles, memoirs of the foreign visitors to the oasis and other sources. They show the variability of the duties and influence of officials at the Khivan court and their dependence on the favor of the khans. Attention is drawn to the perception of various Khivan courtiers as vaziers during the period under study. The article emphasizes the titles characteristic of these officials with many epithets and eulogies in local written sources.

Keywords: Khwarazm, The Khanate of Khiva, The Qungrats, Vazirate, Titles

For citation: Vdovin S. S. The Vazirate in the Khiva Khanate under the Qungrat Dynasty (the Second Half of the 18th — Early 20th Century). *Orientalistica*. 2026;9(1):27–44. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-1-27-44>.

Введение

Особое место в истории Хивинского ханства и объединенного в его рамках Хорезмского оазиса занимает эпоха Кунгратов¹ (вторая половина XVIII — начало XX в.), когда во всех сферах жизни местного социума происходили серьезные изменения. Данный период можно разделить на несколько этапов, каждый из которых обладает своими отличительными чертами: 1) борьба узбеков из племени кунгратов за власть в государстве и их фактическое правление в качестве инаков² при подставных ханах Чингисидах³ (1762–1804);

¹ Династию Кунгратов составляли выходцы из одноименного узбекского племени. В Хорезме на протяжении Нового времени до начала XX в. под узбеками подразумевалась совокупность тюркоязычных племен кочевого происхождения, пришедших в оазис в XV–XVI вв. из Дешт-и-Кипчака. Они противопоставлялись оседлому тюркоязычному населению — сартам, которых узбеки подчинили с приходом в Хорезм.

² Инак — в Хивинском ханстве титул предводителей узбекских племен.

³ В Хивинском ханстве с момента его образования в XVI в. и до воцарения Кунгратов (1804 г.) право на верховную власть и титул хана имели только Чингисиды. До

2) самостоятельное правление в Хиве ханов из династии Кунгратов (1804–1873); 3) протекторат Российской империи с сохранением самостоятельности ханов Кунгратов во внутренних делах (1873–1917); 4) кратковременное формально независимое существование Хивинского ханства, после чего оно было ликвидировано (1917–1920).

В рамках данной статьи внимание в большей степени уделяется первым трем из обозначенных выше этапам хивинской истории, поскольку наиболее объемная часть задействованных автором источников, а именно — местные официальные хроники, охватывают период до начала 1910-х гг. Для формирования более полной картины заключительного этапа истории Хивинского ханства (1917–1920 гг.) привлекаются сведения, почерпнутые из имеющихся исследований [Sartori, Abdurasulov, 2020].

Основу источниковедческой базы данной статьи составили хорезмские хроники на чагатайском языке. Шесть из них были написаны хивинскими придворными Шер-Мухаммадом Мунисом (1778–1829) и Мухаммад-Ризой Агахи (1809–1874): «Райский сад преуспевания» [*Firdavs ul-iqbol*⁴] [Мунис ва Огахий, 2010], «Куши державы» [*Riyozi ad-davla*] [Извлечения из «Рияз-уд-довле»..., 1938; Огахий, 1978] и др. Их произведения были созданы по заказу самих ханов Кунгратов и описывали события с точки зрения правившей династии от сотворения мира до подчинения ханства России. Седьмая хроника — «Хорезмшахская родословная» [*Shajarayi xorazmshohiy*] [Баёний, 1994] — сочинение поэта, историка и переводчика Мухаммада Юсуфа Баяни (1859–1923), потомка хивинского хана Эльтузара (1804–1806). Она содержит сжатое изложение трудов Муниса и Агахи и сведения по истории ханства до 1914 г., собранные автором лично. Помимо этого, в работе были задействованы воспоминания и отчеты на русском, английском и персидском языках современников-иностранцев, посетивших Хорезм, в частности — капитана Н. Н. Муравьева (1794–1886) [Муравьев, 1822], капитана Джеймса Эббота (1807–1896) [Abbott, 1843], иранского посланника Риза-Кули-хана (1800–1871) [Riza Quli, 2006] и иных лиц.

Положение вазиров в Хивинском ханстве эпохи Кунгратов в достаточной мере исследователями не изучено. Отдельные аспекты данного вопроса рассматривались различными учеными уже со второй половины XIX в., однако комплексные работы по указанной проблематике отсутствуют. Среди исследований следует выделить, в первую очередь, статью советского и американского историка, востоковеда Ю. Э. Брегеля (1925–2016) [Bregel, 1978]. Автор приводил ценные общие сведения о двух высших чиновниках в Хивинском ханстве — мехтере и кушбеги (о мехтере как о представителе

середины XVIII в. эту позицию занимали Чингисиды из династии Шибанидов: потомки Шибана (ум. в 1266 г.), сына Джучи (1207–1225/1227). Во второй половине XVIII в. власть ханов ослабла, и главенствующую роль в политической жизни государства стали играть племенные элиты, которые назначали и смещали ханов по собственной воле.

⁴ Названия произведений, термины и отрывки текста на чагатайском языке в рамках данной статьи приводятся в современной узбекской (латинизированной) орфографии.

сартов, а о кушбеги — для сопоставления с первым), в том числе об их происхождении, полномочиях и некоторой титулатуре.

Нельзя не отметить и монографию, написанную в соавторстве узбекистанским историком У. Абдурасуловым и итальянским исламоведом, иранистом и тюркологом П. Сартори [Sartori, Abdurasulov, 2020]. В ней рассматривалась юридическая система Хивинского ханства, описывались права и обязанности различных чиновников (прежде всего — ясаулбаши), при этом авторы опубликовали, перевели и прокомментировали множество документов преимущественно начала XX в. на чагатайском языке, относящихся к судебному делопроизводству в ханстве.

Вазират в Хивинском ханстве согласно хорезмским хроникам

Первое упоминание титула «вазир» в хронике Муниса и Агахи «Райский сад преуспения» относится ко времени правления Абулгази (1643–1663) — хана из предшествовавшей Кунгратам династии Арабшахидов, который провел административную реформу. Среди 32 человек, занимавших высшие посты при хане, были названы вазир и кушбеги. При этом, по словам хивинских хронистов, вазир «ныне [т. е. в начале XIX в. — С. В.] именовался мехтером»⁵ в Хорезме [Мунис ва Огахий, 2010, с. 91].

В дальнейшем в «Райском саду преуспения», излагающем хорезмскую историю до 1825 г., титул вазир применялся почти исключительно по отношению к мехтеру (несколько раз — к кушбеги). По меньшей мере до начала XIX в. первые два титула были синонимичны — и власть, и выполнявшие вазиром функции ассоциировались именно с мехтером. Так, применительно к названным мехтерами придворным использовались обороты: «[его] украсили драгоценным одеянием вазирата» (*xil'ati jalilulqadri vazorat bila bezadilar*), «он возвысился до ранга вазира» (*vazorat martabasi bila irtifo topdi*) [Мунис ва Огахий, 2010, с. 106, 127].

Следует отметить, что в рассматриваемый период в Хивинском ханстве при дворе правителя отсутствовала четкая регламентация полномочий многих должностей, что несколько затрудняет задачу составить их полный перечень. Они могли зависеть от конкретной политической ситуации, расположения и волеизъявления правителя. Это приводило к возвышению одних придворных и утрате влияния другими в зависимости от времени и ситуации. То же можно сказать о мехтерах и кушбеги.

Реальные возможности и могущество тех или иных мехтеров в Хорезме зависели от конкретных политических условий и личных качеств занимавших этот пост личностей. На протяжении крайне нестабильной второй половины XVIII в. — переходного периода хорезмской истории, когда власть постепенно сосредотачивалась в руках узбеков-кунгратов — часть мехтеров были убиты в течение нескольких лет после назначения на пост в результате придворных интриг и внутривластной борьбы (Абдаррахим ибн Яр-Мухаммад-диван, Мискин, Иш-Нияз) [Мунис ва Огахий, 2010, с. 107–108, 109,

⁵ Кушбеги (с тюрк.) — «сокольничий». Мехтер (с перс.) — «старший», «старшина», «начальник».

141]. Другим же удавалось сохранять свое положение более длительное время, оказывать серьезное влияние на политическую ситуацию в Хорезме, умерщвляя непокорных им марионеточных ханов Чингисидов и покровительствуя или же, наоборот, противодействуя инакам из числа узбеков-кунгратов (Мухаммад-Амин, Абдаррахман) [Мунис ва Огахий, 2010, с. 106, 126, 163–164].

По всей видимости, не последнюю роль в возвышении мехтеров Хивинского ханства XVIII — первой половины XIX в. сыграло их происхождение. Они назначались из среды сартов⁶ — представителей местного оседлого населения, основу которого составляли потомки ираноязычных хорезмийцев⁷. Хорезмские сарты по преимуществу представляли элиту торгово-ремесленного населения городов, основными занятиями которых являлись земледелие и торговля. Династия Кунгратов могла видеть в сартах, как и в мехтерах, менее серьезных противников (а, возможно, даже и союзников) в борьбе за власть в Хорезме, по сравнению со своими же соплеменниками узбеками-кунгратами или же узбеками других племен, к примеру, мангытами, которые в эти десятилетия правили в Бухаре.

При этом в действительности, или же только номинально, в руках вазиров-мехтеров второй половины XVIII в. после получения титула оказывались «бразды порядка в государстве» (*mamlakat nizomi*), «государственные и негосударственные дела» (*umuri mulkiy va g'ayri mulkiy*), «дела царствования и государственные задачи» (*umuri saltanat va muhhome mamlakat*) [Мунис ва Огахий, 2010, с. 127, 128, 141]. Более того, при Абдаррахмане — мехтере инаков Мухаммад-Амина (1762–1790) и Аваза (1790–1804) — страна была «будто бы подчиненной сартам» [Bregel, 1978, p. 136–137]. По сообщениям Муниса и Агахи, Абдаррахман-мехтер стал управлять ханством, не советуясь с Авазином, он даже стремился поднять восстание и покушался на его жизнь. Тем не менее инаку удалось удержать власть в своих руках и предать мехтера смерти [Мунис ва Огахий, 2010, с. 163–164].

Самыми влиятельными мехтерами Хивинского ханства было суждено стать Мухаммаду Юсуфу и его сыну Мухаммаду Якубу, которые последовательно занимали этот пост всю первую половину XIX в. вплоть до 1857 г. О Мухаммаде Юсуфе сказано, что в июле 1806 г. Мухаммад-Рахим I (1806–1825) сделал его «партнером и соучастником» (*sahim va sherik*) при своем дяде по отцовской линии Мухаммад-Мурад-беке и назначил его ответственным за «доходы и расходы высочайшего дивана» (*devoni a'loning daxlu xarji*).

⁶ В разных регионах Центральной Азии сартами могли обозначаться различные категории населения, при этом конкретное значение слова менялось в зависимости от хронологии и географии. Подробнее о сартах см.: [Самойлович, 1910].

⁷ Иранский посланник в Хиву (1851 г.) Риза-Кули-хан сообщал, что мехтер Мухаммад Якуб выдавал себя за потомка Чагатая (1183–1242), сына Чингисхана (1155 / 1162–1227). Однако населению Хорезма было известно, что это ложь и что он был родом из Кята (совр. Беруни в 40 км к северо-востоку от Хивы). По мнению жителей Хорезма, на которых ссылался Риза-Кули, это были два взаимоисключающих обстоятельства [Riza Quli, 2006, p. 129].

Эти двое, согласно Мунису и Агахи, поддерживали порядок и хорошо управляли делами государства и подданных [Мунис ва Огаҳий, 2010, с. 246].

Однако многие соплеменники и родственники Мухаммад-Рахима I не поддерживали его воцарение. На протяжении нескольких лет после восшествия на престол хан вел против них ожесточенную борьбу, брал их под стражу и казнил за реальное участие в мятежах или же за подозрения в соучастии и симпатии к мятежникам. Не стал исключением и упомянутый выше Мухаммад-Мурад-бек, преданный смерти в мае 1807 г. [Мунис ва Огаҳий, 2010, с. 258]. Часть его функций — если не ответственность за государственные казну и дела в целом — была возложена впоследствии на Мухаммада Юсуфа, что расширило полномочия мехтера.

В связи с этим представляются примечательными наблюдения капитана Н. Н. Муравьева (впоследствии Муравьев-Карский), который добрался до Хорезма в 1819–1820 гг., выдавая себя за пленного русского офицера. Он описывал мехтера Мухаммада Юсуфа как первого вазира Мухаммад-Рахима I (вторым вазиром был назван кушбеги), более всех пользовавшегося его доверием. У мехтера хранилась ханская казна, он вел счет доходов и расходов, принимал и содержал иностранных послов⁸ и управлял страной при отсутствии хана в столице и в других чрезвычайных случаях [Муравьев, 1822, с. 59–60].

В «Райском саду преуспейания» можно встретить упоминания подобных обстоятельств. Перед отбытием из Хивы в военный поход, по случаю царской охоты и иных причин Эльтузар и Мухаммад-Рахим I доверяли лично Мухаммаду Юсуфу «защиту государства» (*mamlakat hirosati*) и назначали его — одного или вместе с другими придворными — помощником при своем старшем брате и заместителе (*noib*) Кутлуг-Мурад-инаке [Мунис ва Огаҳий, 2010, с. 192, 199, 260].

Мунис и Агахи сообщали и о других функциях, которые в то или иное время выполнял мехтер в Хорезме. Отметим, что в основном речь у них шла о Мухаммаде Юсуфе и Мухаммаде Якубе. Так, мехтеру могло быть поручено управление возведением и реставрацией объектов гражданского, религиозного и военного назначения: а) руководство строительством здания для высшей канцелярии и проведения официальных приемов (*devonxona / ko'rinishxona*) в Хиве в 1804 г. [Мунис ва Огаҳий, 2010, с. 210–211]; б) руководство реставрацией медресе⁹ [Огаҳий, 1978, с. 66]; в) совместное руководство строительством каменного моста при переправе Багча перед северными воротами Хивы в 1812 г. [Мунис ва Огаҳий, 2010, с. 395]; г) руководство вос-

⁸ В связи с этим примечательны сообщения капитана Эббота, побывавшего в Хиве в 1840 г., о крайне неудовлетворительной манере обращения мехтера Мухаммада Якуба с ним как с посланником другого государства в столице ханства. Ему приходилось объяснять, как именно следует обходиться с гостями подобного ранга и как это делали, к примеру, эмир Афганистана Шуджа-шах (1839–1842) или правитель Герата Камран-шах Дуррани (1829–1842) [Abbott, 1843, p. 93, 137].

⁹ Агахи сообщает, что она была известна под названием «Медресе Эмирата» (*Madrasai Amorat*) и была построена над местом гробниц Мухаммад-Амин-инака и Аваз-инака.

становлением разрушенных стен крепости Мехине¹⁰ и выкапыванием рва вокруг нее в 1837 г. [Извлечения из «Ряз-уд-довле»..., 1938, с. 469]; д) совместное с кушбеги руководство работами по сооружению и содержанию оросительных каналов [Мунис ва Огахий, 2010, с. 294; Agahi, 2012, р. 84–86].

Помимо этого, мехтеру доводилось организовывать праздничные и религиозные мероприятия: а) проведение праздника (*to'ý*) по случаю назначения Мухаммад-Амина на пост инака в 1762 г. [Мунис ва Огахий, 2010, с. 126]; б) подготовка *ифтара*¹¹ в сентябре 1811 г. (совместно с кушбеги Мухаммад-Ризой) [Мунис ва Огахий, 2010, с. 362]; в) подготовка праздника (*to'ý*) по случаю обрезания (*xitna sunnat*) второго сына Мухаммад-Рахим-хана I Рахман-Кули в январе 1813 г. [Мунис ва Огахий, 2010, с. 399].

При том, что отдельными иностранными современниками мехтер воспринимался в качестве министра внутренних дел, он также принимал заметное участие в военно-полевых мероприятиях: а) организация и руководство лодочными переправами и строительством мостов для транспортировки ханских войск через Амударью, ее протоки и каналы, Сумбар и Чандыр¹² (единоличное или совместное с кушбеги) [Извлечения из «Ряз-уд-довле»..., 1938, с. 467–468; Мунис ва Огахий, 2010, с. 227, 281, 303, 308, 333, 386]; б) подготовка карательных мероприятий ханских войск против непокорных племен и подавление мятежников [Мунис ва Огахий, 2010, с. 258, 275]; в) совместное командование кавалерией и артиллерией¹³ в ходе сражений и походов в Хорезме, предгорьях Копетдага и Хорасане [Огахий, 1978, с. 46, 58; Баёний, 1994, с. 40; Мунис ва Огахий, 2010, с. 288, 304, 468]; г) инспекция ханских войск для изъятия одной пятой добытых трофеев (*xims*) (совместная с кушбеги) и участие в обеспечении порядка после сражений для предотвращения мародерства [Мунис ва Огахий, 2010, с. 366, 447]; д) ведение переговоров с предводителями противника [Agahi, 2012, р. 145]; е) закупка продовольствия для хивинского войска (перед походом на Мерв) [Иванов, 1940, с. 119].

Отдельного внимания заслуживает личное руководство мехтера Мухаммада Якуба походом хивинских войск в Мервскую область в 1838 г., осуществленное с дозволения Аллах-Кули-хана. Поход продолжался более 9 месяцев и был направлен на противостояние силам Мухаммад-шаха Каджара (1834–1848), которые вели осаду Герата в 1837–1838 гг., и на поддержку правителя Герата Камран-шаха (1829–1842). Во время похода мехтер Мухаммад

¹⁰ Мехине — крепость в нескольких десятках километров к северо-западу от совр. Ашхабада, столицы Туркменистана (ныне — Миана, поселок городского типа).

¹¹ *Ифтар* — вечерний прием пищи у мусульман во время исламского месяца рамадан.

¹² Сумбар — река в совр. Туркменистане и Иране, крупнейший приток Атрека. Чандыр — приток Сумбара.

¹³ По сообщениям Риза-Кули-хана, в 1851 г. артиллерия хивинского хана Мухаммад-Амина (1846–1855) состояла из случайно составленных 10 орудий; артиллеристами были иранские невольники, и хан оказывал им слабое доверие. Можно предположить, что мехтера назначали командовать ими по причине происхождения из числа сартов [Riza Quli, 2006, р. 130].

Якуб проводил приемы местных ханов-чараймаков¹⁴, многократно отправлял в набеги хивинские отряды на караванные дороги около Герата и Мешхеда для затруднения снабжения каджарских войск и нападал на их лагерь. Агахи сообщал об уведенных пленными и иных трофеях, но крупных сражений, по всей видимости, не происходило [Извлечения из «Рияз-уд-довле»..., 1938, с. 470–472].

Вторым по значимости из двух важнейших хивинских придворных эпохи Кунгратов в период до начала 1880-х гг. являлся кушбеги. Подобно мехтеру, он был упомянут еще среди 32 человек, занимавших высшие посты при хане по результатам административной реформы, предпринятой Абулгази в середине XVII в. [Мунис ва Огаҳий, 2010, с. 91]. Однако в качестве вазира кушбеги стал восприниматься в Хорезме значительно позднее мехтеров. В «Райском саду преуспевания» кушбеги всего трижды удостоился этого титула (при том, что фигурировал в хронике значительно чаще) и впервые — лишь в описании событий 1810 г. [Мунис ва Огаҳий, 2010, с. 329, 362, 463].

В отличие от мехтеров, кушбеги выбирались из среды узбеков-кунгратов и после 1804 г. — воцарения Кунгратов — зачастую (если не всегда) из числа родственников ханов [Извлечения из «Гульшен-и-Девлет»..., 1938, с. 565; Огаҳий, 1980, с. 163; Мунис ва Огаҳий, 2010, с. 133; Agahi, 2012, p. 178; Agahi, 2016, p. 33]. Пост кушбеги в Хиве нередко передавался по наследству, по смерти отца — к сыну [Баёний, 1994, с. 24, 34, 96]. Когда же прежний кушбеги умирал, не оставив после себя подходящего потомка, или же оказывался в немилости государя по реальным или мнимым причинам, то новым кушбеги назначалось иное лицо, не связанное близким родством с предыдущим [Баёний, 1994, с. 28; Agahi, 2012, p. 205]. Следует отметить также, что кушбеги мог быть освобожден от занимаемой должности по причине получения нового назначения, например, на управление Аральским владением [Мунис ва Огаҳий, 2010, с. 149]. Если мехтера иностранные современники первой половины — второй трети XIX в. воспринимали в качестве министра внутренних дел или министра финансов, кушбеги, в таком случае, можно было бы назвать министром военным с той оговоркой, что функции и первого, и второго этим строго не ограничивались и по истечении какого-то времени могли меняться.

По данным хивинских хроник можно выделить следующие военно-полевые функции, которые мог исполнять кушбеги в Хорезме в рассматриваемый период: 1) личное и совместное командование передовым отрядом ханских войск во время походов [Мунис ва Огаҳий, 2010, с. 386, 389, 406]; 2) командование войском при нападении на непокорные города и защите городов подвластных (Хазарасп, Кунград, Ходжейли¹⁵, Хива) [Мунис ва Огаҳий, 2010, с. 147, 153, 156, 165–166, 168, 463]; 3) участие в переговорах

¹⁴ Чараймаки (букв. «четыре рода / народа») — группа народов на северо-западе совр. Афганистана. Включают джемшидов, фирузкухов, таймани и теймури.

¹⁵ Хазарасп — совр. административный центр Хазараспского района Хорезмской области Узбекистана. Кунград и Ходжейли — совр. административные центры Ходжейлийского и Кунградского районов Республики Каракалпакстан в составе Узбекистана.

с предводителями осажденных городов (Умган-кала)¹⁶ [Огахий, 1978, с. 60]; 4) совместное с другими предводителями назначение хакима (правителя) в побежденных городах [Мунис ва Огахий, 2010, с. 154]; 5) руководство сносом крепостных стен побежденных городов [Мунис ва Огахий, 2010, с. 367]; 6) командование караульными отрядами во время военных походов [Agahi, 2012, p. 193]; 7) личное или совместное с мехтером руководство возведением мостов для переправ через реки и каналы, лодочными переправами войск [Мунис ва Огахий, 2010, с. 281, 333, 386]; 8) обустройство ханского лагеря с шатрами и палатками (*peshxona va saroparda*) [Мунис ва Огахий, 2010, с. 302]; 9) личное или совместное руководство выкапыванием колодцев и набором воды из них для ханского войска [Огахий, 1978, с. 48; Мунис ва Огахий, 2010, с. 406, 415]; 10) вооруженное сопровождение караванов и заложников (*oq oylik*)¹⁷ [Мунис ва Огахий, 2010, с. 309, 409].

Помимо участия в военных делах, кушбеги выполнял в то или иное время и финансово-регистрационные функции: 1) сбор закята (с каракалпаков в Аральском владении, с туркменов племени теке в Ахале¹⁸) [Извлечения из «Ряз-уд-довле»..., 1938, с. 469; Мунис ва Огахий, 2010, с. 289, 308, 342, 379]; 2) сбор возмещений и компенсаций (*moli omon*) с побежденных противников [Мунис ва Огахий, 2010, с. 342, 379]; 3) сбор средств иного характера и взыскание компенсаций за награбленное (с туркменов племени йомудов) [Баёний, 1994, с. 66, 68, 72]; 4) совместная с мехтером выплата компенсаций участникам военных походов за утраченное в ходе них имущество [Огахий, 1978, с. 62]; 5) проведение смотра и подсчета войск [Мунис ва Огахий, 2010, с. 294–295]; 6) руководство проведением переписи населения ханства [Мунис ва Огахий, 2010, с. 329].

Что касается последнего пункта, ученые располагают сообщениями бывших русских пленных, относящимися к 1843 г., о том, как осуществлялась данная перепись. Ее проводил каждые 6–7 лет кушбег для распределения оседлого свободного населения Хорезма (кроме ходжей, войска и туркменов) на категории согласно их достатку и для последующего сбора с них налога. Подчеркивалось, что кушбег лично собирал с окружных старшин и мулл сведения о количестве домохозяйств и об их финансовом положении, после чего проверял их показания и делил население. Охватываемая же кушбеги территория простиралась от Кунграда до Хивы и Нового Ургенча — она обозначалась в качестве северной половины ханства. В южной же его половине, вплоть до Питнака¹⁹, «подати собирались особым чиновником в пользу инака» [*Сведения о Хивинском ханстве*, 1843, с. 147, 157–158]. В другом источ-

¹⁶ Крепость упоминается в контексте похода в Хорасан.

¹⁷ Люди, которых после поражения в конфликте передавала на попечение побежденная сторона победившей в залог будущей покорности. Заложников брали из числа предводителей или их родственников и переселяли на другую территорию, вдали от их родины.

¹⁸ Ахал — оазисная зона на юге Арало-Каспийской низменности, совр. Туркменистан.

¹⁹ Питнак — город в 80 км к юго-востоку от Хивы, совр. административный центр Тупраккалинского района Хорезмской области Узбекистана.

нике почти того же времени (1840 г.) встречается несколько иное описание подведомственной кушбеги территории, а именно, южная часть ханства: от Питнака до Нового Ургенча; с северной части ханства (от Нового Ургенча до Кунграда) налоги взимал махрам [Гельмерсен, 1840, с. 111]. В таком случае можно предположить, что область сбора могла меняться в тот или иной период, а функции кушбеги соответственно имели ситуативный характер.

Кушбеги имел определенное отношение и к политическим, ирригационным и некоторым иным формам деятельности: 1) прием послов и других иностранцев в Хорезме (после отстранения от этой обязанности мехтера) [Залесов, 1897, с. 191] и письменные контакты с хивинскими послами (в Бухарский эмират) [Иванов, 1940, с. 236]; 2) проведение собрания «всех амиров и столпов державы» (*tamomi umaro va arkoni davlat*) для избрания нового хана [Баёний, 1994, с. 17]; 3) предводительство (*sarkarda*) туркменовой омулов [Баёний, 1994, с. 66]; 4) совместное руководство проведением казу (*qozuv*)²⁰ [Сведения о Хивинском ханстве, 1843, с. 157; Мунис ва Огаҳий, 2010, с. 410]; 5) личное или совместное руководство возведением, восстановлением и разрушением плотин [Мунис ва Огаҳий, 2010, с. 294, 355; Agahi, 2012, р. 96]; 6) участие в организации *ифтара* [Мунис ва Огаҳий, 2010, с. 362]; 7) организация ханской охоты [Мунис ва Огаҳий, 2010, с. 260].

При этом, как отмечал Ю. Э. Брегель, в структуре управления Хивинского ханства наблюдались определенные сходные черты с той, что существовала в предшествовавшей ему империи Тимуридов времен Хусейна Байкара (1469–1506). Так, тогда аппарат управления делился на две части — дивана. Первый из них возглавлял амир или диванбеги. Он отвечал за военные дела, в его ведении также находилось тюркское население. Во главе второго дивана стоял вазир, на котором лежали обязанности по управлению финансами и нетюркским населением. В связи с этим первый диван назывался «тюркским», а второй — «сартским» [Bregel, 1978, р. 134].

Вплоть до третьей четверти XIX в. мехтер и кушбеги являлись влиятельнейшими чиновниками при хивинском дворе. Тем не менее, по оценкам иностранных современников, в тот или иной период лидирующие позиции могли находиться в их руках попеременно. В частности, в 1819–1820 гг. первым вазиром в Хиве был мехтер [Муравьев, 1822, с. 60–61]. Что касается начала 1840-х гг., то одна часть источников сообщает о переходе главенствующих позиций при хивинском дворе к кушбеги [Гельмерсен, 1840, с. 109–110; Сведения о Хивинском ханстве, 1843, с. 157–158], другая же свидетельствует о сохранении их за мехтером. Так, в воспоминаниях капитана Эббота мехтер назывался премьер-министром и вазиром, а кушбеги — вторым чиновником в ханстве, который управлял войском [Abbott, 1843, р. 72, 96, 100]. При этом в тот или иной период эти два высших придворных чина могли находиться в состоянии вражды и борьбы за власть, как показали события второй половины 1850-х гг. [Залесов, 1897, с. 177, 185].

Похоже, что наивысшего влияния на политическую жизнь в Хивинском ханстве эпохи Кунгратов мехтеру удалось достичь в середине XIX в., когда

²⁰ Казу — масштабные работы по содержанию и восстановлению ирригационных каналов в Хорезме.

мехтер Мухаммад Якуб (и другие заинтересованные лица) совершили попытку изменить линию престолонаследия в Хорезме. Отметим, что с 1806 г. ханами в Хиве были Мухаммад-Рахим I и его прямые потомки. Когда внук последнего, Мухаммад-Амин-хан, погиб в ходе осады Серахса²¹ в бою против туркмен-теке в 1855 г., Мухаммад Якуб, поддержанный частью хивинских придворных, пригласил царствовать находившегося тогда при войске Абдаллаха (1855 г.) сына Кутлуг-Мурад-инака, родного брата Мухаммад-Рахима I [Agahi, 2012, p. 198]. Данное обстоятельство вызвало негативную реакцию части хивинской элиты, которой была ближе ведущая свое происхождение от Мухаммад-Рахима I ветвь династии Кунграатов. Тогда в живых был сын последнего — Сайид-Мухаммад, восшествие на престол которого и могло ожидать в подобной ситуации.

Следующий год стал смутным временем в хивинской истории. Через 6 месяцев после интронизации Абдаллах-хан был убит в сражении с туркменами, с которыми, по всей видимости, были в сговоре упомянутые выше хивинские придворные [Agahi, 2012, p. 216]. Однако власть ненадолго сохранилась за потомками Кутлуг-Мурад-инака: следующим ханом, при содействии мехтера, стал его внук — Кутлуг-Мурад (1855–1856) [Agahi, 2012, p. 205, 219]. Тем не менее спустя пять месяцев был убит и он — в ходе заговора, подготовленного Мухаммад-Нияз-баем, двоюродным братом Сайид-Мухаммада, при помощи туркмен-йомудов [Agahi, 2012, p. 240]. В тот же день, 12 февраля 1856 г., ханом стал сам Сайид-Мухаммад (1856–1864), и изначальная линия престолонаследия была восстановлена.

Что касается мехтера Мухаммада Якуба, то источники содержат некоторые сведения относительно возможных причин его подобных действий. В описании событий, произошедших в ходе миссии 1858 г. в Хиву и Бухару под руководством флигель-адъютанта Н. П. Игнатьева (1832–1908), содержится следующая характеристика Мухаммада Якуба: «Из них [т.е. сановников хана] первостепенным значением пользовался Мехтер, ворочавший всеми делами ханства, переживший несколько ханов, наживший себе лихование и грабительством огромное состояние...» (цит. по: [Залесов, 1897, с. 147]). Одновременно с этим в отчете о миссии иранского посланника Риза-Кули-хана ко двору Мухаммад-Амин-хана в 1851 г. указывалось, что де-факто большим авторитетом и уважением по сравнению с Мухаммадом Якубом пользовался Бек-Джан- / Нияз-махрам (*диванбеги*), и именно он тогда являлся настоящим мехтером [Riza Quli, 2006, p. 65]. Тем не менее для мехтера Мухаммада Якуба как для вазира Мухаммад-Амина был предназначен подарок (письменный прибор из золота с эмалью) от садразама Ирана Мирзы Ага-хана Нури (1851–1858), врученный хивинскому посланнику, сопровождавшему Риза-Кули во время его возвращения в Тегеран [Riza Quli, 2006, p. 164].

В таком случае можно предположить, что внезапная гибель Мухаммад-Амин-хана в 1855 г. открывала для мехтера Мухаммада Якуба возможности для улучшения своего положения при хивинском дворе. Приведа к власти

²¹ Старый Серахс — городище, находящееся на территории совр. Серахского этрапа в Ахалском велаяте Туркменистана.

Абдаллаха и затем 17-летнего Кутлуг-Мурада в обход привычной линии наследования, Мухаммад Якуб получал расположение к себе ханов, которые своим престолом во многом были обязаны самому мехтеру и вряд ли бы поступали наперекор его воле. Однако Мухаммаду Якубу было не суждено долго оставаться у власти после этих событий: уже в 1857 г. он и все его родственники были убиты Сайид-Мухаммадом из соображений собственной безопасности [Залесов, 1897, с. 147].

На протяжении следующего десятилетия мехтеры в той или иной степени сохраняли свое весомое положение при хивинском дворе, однако былого могущества и влияния достигать им не удавалось. Уже в сообщениях Игнатьева, относящихся к 1858 г., отмечалось, что в Хиве было два равносильных вазира, самым значительным из которых являлся кушбеги, а не мехтер [Залесов, 1897, с. 184]. Аналогичная характеристика этих двух сановников встречается в работе венгерского востоковеда А. Вамбери (1832–1913), посетившего Хорезм под видом дервиша в 1863 г. Там, мехтер назывался там «своего рода министром внутренних дел», а кушбеги — «первым министром» [Вамбери, 2003, с. 96].

По всей видимости, уже со второй половины 1860-х гг. мехтер и кушбеги стали постепенно утрачивать полномочия и влияние при хивинском дворе. Русские современники в 1873 г. отмечали, что управление ханством и административные вопросы до подчинения Хорезма Российской империи были в руках другого чиновника — Мухаммад-Мурад-диванбеги [Гродеков, 1883, с. 272]. При этом мехтер и кушбеги в представлении хивинской элиты могли все еще сохранять свое престижное положение, о чем свидетельствует один эпизод из хроники Баяни «Хорезмшахская родословная». Так, в 1288 г.х. (1871/72 г.) Сайид-Ахмад-тура, брат Мухаммад-Рахим-хана II (1864–1910), собрал людей и устроил пир с распитием вина (*bazmi sharob*). В состоянии опьянения он сказал двоим присутствовавшим, что сделает одного из них мехтером, а другого — кушбеги, если сам станет ханом [Баёний, 1994, с. 35, 38]. После этого события Сайид-Ахмад-тура оказался в опале и был помещен под домашний арест [Хорошхин, 1876, с. 478].

Упоминается мехтер среди участников специального совета (*devon*), который был организован для решения административных и финансовых вопросов летом 1873 г., в период между взятием войсками Российской империи Хивы и подписанием Гендемианского мирного договора. Мехтер описывался подполковником уральского войска А. П. Хорошхиным (одним из представителей России в совете) как министр финансов, который, однако, постоянно молчал в ходе заседаний. «Главным и непосредственным исполнителем воли хана» там же был назван Мухаммад-Нияз-диванбеги, пришедший на смену Мухаммад-Мураду-диванбеги [Хорошхин, 1876, с. 478–479]. Спустя время последний был вновь назначен на должность диванбеги и вплоть до смерти в 1901 г., как отмечают русские источники, сосредоточил в своих руках «все важные дела в ханстве и все сношения с русской властью» [Гиршфельд, 1903, с. 21].

Другое свидетельство утраты мехтером и кушбеги былого влияния при хивинском дворе к последней четверти XIX в. встречается в хронике Баяни.

В частности, в 1299 г. х. (1881/82 г.) Ибрахим-ходжа (ум. в 1889 г.) — дядя по материнской линии Мухаммад-Рахима II, был провозглашен ханом «вазиром всего царства» (*vaziri jumlat ul-muluk*) после возвращения из своей поездки в Санкт-Петербург. На Ибрахим-ходжу были возложены функции и полномочия, раньше находившиеся в руках мехтера и кушбеги, а именно «краевые тетради» (*yurtning daftarlari*), в которых велся учет населения ханства и уплачиваемых им налогов. Баяни писал, что после этого от мехтера и кушбеги «не осталось ничего, кроме имен». Интересно отметить также, что перед упомянутой поездкой хан назначил Ибрахим-ходжу помощником при Тура-Мурад-туре — своем брате и заместителе на время отсутствия в столице [Баёний, 1994, с. 75–76]. Примечательно, что в первой половине XIX в. подобная вспомогательная роль нередко отводилась именно мехтеру.

В дальнейшем Баяни и вовсе не упоминает мехтеров, а кушбеги — только один раз, и то лишь по случаю назначения нового из них [Баёний, 1994, с. 97]. Об утрате бывшего влияния мехтерами и кушбеги в конце XIX — начале XX в. сообщают и русские источники. Так, в «Военно-статистическом описании Хивинского оазиса», составленном К. Г. Гиршфельдом (1870–1917) и вышедшем в свет в 1903 г., указывалось, что «должность мехтера была уничтожена», а кушбеги не несет «никаких определенных обязанностей по управлению ханством» и «только пользуется почетом, как первый и близкий к хану человек» [Гиршфельд, 1903, с. 21].

Сын упомянутого Ибрахим-ходжи Ислам-ходжа (ум. в 1913 г.) стал вторым преемником на посту отца в 1899 г. В своей хронике Баяни не именует Ислам-ходжу «вазиром всего царства», однако к нему все-таки применялся титул вазира — «величайшего» (*vaziri akbar*) [Абдурасулов, 2015, с. 43]. Ислам-ходже было суждено стать ведущей фигурой в политической жизни ханства рубежа 1900-х — 1910-х гг., в его ведении находились вопросы управления и финансов, официальные контакты с российской администрацией и пр.

В начале XX в. при хивинском дворе большой вес обрел еще один чиновник — ясаулбаши. В указанный период он имел прямое отношение к судебному делопроизводству в ханстве, рассматривал адресованные хану обращения (*arz*). Однако, учитывая изменчивость полномочий различных хивинских чиновников, ясаулбаши на протяжении в том числе и XIX в. мог выполнять и иные функции, к примеру, военачальника туркменов (племен йомудов или чоудоров). По меньшей мере с 1910 г. в Хорезме он стал восприниматься в качестве вазира и зачастую удостоивался этого титула в донесениях и петициях [Sartori, Abdurasulov, 2020, p. 27–29, 242–315]. О его возросшем статусе свидетельствует и то обстоятельство, что ясаулбаши Мухаммад Юсуф и упомянутый выше Ислам-ходжа в начале 1910-х гг. были единственными придворными, награжденными особой саблей, подобной той, которую носил хан вместо короны во время парада. По всей видимости, в последние годы существования ханства, ясаулбаши наряду с кушбеги и мехтером почитался одним из трех вазиров в Хиве, как показал эпизод 1917 г. [Sartori, Abdurasulov, 2020, p. 28–30] Пост же мехтера после датированных 1903 г. сообщений Гиршфельда о его уничтожении, вероятно, в определенный момент был восстановлен.

Титулование того или иного чиновника «вазиром» в хивинской письменной традиции эпохи Кунгратов сопровождалось определенными эпитетами, причем не только в хрониках Муниса и Агахи, но и в донесениях и петициях на имена самих этих чиновников [Брегель, 1961, с. 329, 335; Sartori, Abdurasulov, 2020, р. 27–29, 242–315]. В источниках прослеживаются определенные отличия в употреблении этих эпитетов. В частности, в большинстве случаев мехтер фигурирует как «верховный вазир» (*vaziri a'zam*) [Огахий, 1978, с. 46; Огахий, 1980, с. 156; Мунис ва Огахий, 2010, с. 126; Agahi, 2012, р. 28], в то время как кушбеги и ясаулбаши чаще предстают в роли «прибежища вазирата» (*vaziratpanoh*) [Огахий, 1978, с. 71; Мунис ва Огахий, 2010, с. 463; Agahi, 2012, р. 115; Agahi, 2016, р. 39; Sartori, Abdurasulov, 2020, р. 242–315]. Тем не менее упомянутые эпитеты не были уникальными и закрепленными за данными чиновниками. Пусть и намного реже, но кушбеги и ясаулбаши тоже могли титуловаться «верховными вазирами» [Мунис ва Огахий, 2010, с. 333; Agahi, 2016, р. 185; Sartori, Abdurasulov, 2020, р. 249, 271].

Отдельного внимания заслуживает уподобление мехтера и кушбеги Асафу. Этот ветхозаветный образ главного храмового певца при царе Соломоне в исламской традиции подвергся переосмыслению как олицетворение мудрого советника при великом государе. Примечательно, что в хрониках Муниса и Агахи сопутствующие упоминанию этих двух чиновников эпитеты не совпадают. Так, например, мехтер именуется «Асафом своего времени и своей эпохи» (*Osafi zamon, Osafi davron*) [Мунис ва Огахий, 2010, с. 192, 366], «вазиром, искусным, подобно Асафу» (*vaziri Osafhunar*) [Огахий, 1978, с. 21], «житием и саном подобным Асафу» (*Osafsiyar, Osaffoygoh*) [Мунис ва Огахий, 2010, с. 366; Agahi, 2012, р. 60, 101, 200]. Кушбеги же предстает «вазиром с нравами и убеждениями, подобно Асафу» (*vaziri Osafnahod, Osafe'tiqod*) [Огахий, 1980, с. 168; Agahi, 2016, р. 67, 115, 124], «тем, чей порог высок, как у Асафа» (*Osaffjanob*) [Мунис ва Огахий, 2010, с. 362].

К хорезмским вазирам в источниках применялись и другие титулы, среди которых можно выделить следующие: «высокочтимый советник» (*dasturi mukarram / dastur almukarram*²²) [Мунис ва Огахий, 2010, с. 192; Agahi, 2012, р. 28, 86; Agahi, 2016, р. 185; Sartori, Abdurasulov, 2020, р. 249, 271] и «порядок царства и вероустава / [мусульманской] общины / мира / державы»²³ (*nizom almulk va addin / millat / dunyo / davlat*) [Огахий, 1978, с. 66, 128; Огахий, 1980, с. 168; Мунис ва Огахий, 2010, с. 192, 362, 366, 406, 465; Agahi, 2012, р. 73]. Помимо этого, кушбеги нередко именовался «прибежищем эмирата» (*amoratpanoh*) [Мунис ва Огахий, 2010, с. 294, 367, 406], а ясаулбаши — «могуществом правления» (*hukumatdastgoh*) [Sartori, Abdurasulov, 2020, р. 250, 264, 308].

²² Форма *dasturi mukarram* с персидской изафетной конструкцией встречается в хрониках Муниса и Агахи среди титулов мехтера и кушбеги. Ясаулбаши же в донесениях начала XX в. называется *dastur almukarram* с использованием арабского определенного артикля.

²³ Все эти титулы применялись по отношению как к мехтеру, так и к кушбеги.

Заключение

Таким образом, в Хивинском ханстве эпохи Кунгратов в тот или иной период вазирами почитались различные чиновники. Изначально титул вазира и выполнявшиеся им функции ассоциировались с мехтером, а с 1810-х гг. — еще и с кушбеги. Позднее, к 1880-м гг., мехтер и кушбеги утратили прежнее влияние при хивинском дворе, а их полномочия в той или иной мере были переданы чиновнику, который стал восприниматься в качестве «вазира всего царства» или «величайшего вазира». Последним же придворным, который перешел в разряд вазиров в Хорезме в начале XX в., стал ясаулбаши. Уже перед самой ликвидацией Хивинского ханства, ко второй половине 1910-х гг., мехтер и кушбеги были восстановлены в положении вазиров и наряду с ясаулбаши составили тройку чиновников, носивших данный титул.

Обязанности хивинских чиновников не отличались четкой регламентацией, зачастую зависели от волеизъявления ханов и со временем претерпевали изменения. Мехтер, по происхождению сарт, нес ответственность в основном за государственные и гражданские дела, а также за казну, в связи с чем представлял в глазах иностранных современников подобием министра внутренних дел или министра финансов. Тем не менее он выполнял и иные поручения, от приема и содержания послов до даже военных функций — командования войском и его частями. Кушбеги же, напротив, избирался из среды узбеков и преимущественно выступал в роли военачальника, что делало его своего рода военным министром. Этим, однако, их деятельность строго не ограничивалась: и мехтер, и кушбеги собирали налоги с определенной части населения, руководили работами с ирригационными сооружениями и пр.

Влияние обоих этих титулованных придворных в Хивинском ханстве эпохи Кунгратов не находилось постоянно на одном уровне. В последней четверти XIX — первом десятилетии XX в. на смену мехтеру и кушбеги пришли чиновники, к которым перешли выполнявшиеся этими двумя функциями. Помимо диванбеги, обладавшего большими полномочиями в Хиве последней трети XIX в., здесь выделялись Ибрахим-ходжа и Ислам-ходжа, также величавшиеся в источниках «вазирами». Что касается ясаулбаши, то ко времени обретения статуса вазира в начале XX в. он играл значительную роль в судебном делопроизводстве в ханстве и исполнял некоторые иные обязанности.

Титулование хивинских придворных «вазирами» в местных письменных источниках (официальных хрониках, отчетах и донесениях) сопровождалось использованием множества эпитетов и уподоблением их Асафу — образцу мудрого советника в мусульманской традиции. Применялись уникальные обращения, но в большинстве своем эпитеты были взаимозаменяемыми, пусть и встречались чаще перед именем того или иного чиновника. Среди последних можно отметить следующие: «верховный вазир» (*vaziri a'zam*) — мехтер; «прибежище вазирата» (*vaziratpanoh*) — кушбеги и ясаулбаши.

Список литературы / References

1. Абдурасулов У. А. «Тайны хивинского двора»: политическая борьба в Хиве в период Российского протектората. *Восток Свыше*. 2015. № 3(28). С. 38–56 [Abdurasulov U. A. “Secrets of the Khiva Court”: Political Struggle in

- Khiva during the Russian Protectorate. *East Above*. 2015. No. 3(28), pp. 38–56 (in Russian)].
2. Баёний. *Шажарайи Хоразмшоҳий*. (Хорезмшахская родословная) Сўз боши: Н. Жумахўжа, И. Адизованики. Тошкент: Ғ. Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти, 1994 (на чагатайск. яз.) [Bayoniý. *Shajarayí Xorazmshohiy (The genealogy of the Khorezmshahs)*. So'z boshi: N. Jumaxo'ja, I. Adizovaniki. Toshkent: G'. G'ulom nomidagi Adabiyot va san'at nashriyoti, 1994 (in Chagatai)].
 3. Брегель Ю. Э. *Хорезмские туркмены в XIX в.* М.: Восточная литература, 1961 [Bregel Yu. E. *Khwarazmian Turkmens in the 19th Century*. Moscow: Izdatel'stvo Vostochnaya literatura, 1961 (in Russian)].
 4. Вамбери А. *Путешествие по Средней Азии*. Пер. с нем. З. Д. Голубевой. М.: Восточная литература, 2003 [Vamberi A. *Travels in Central Asia*. Transl. from German by Z. D. Golubeva. Moscow: Vostochnaya literatura, 2003 (in Russian)].
 5. Гельмерсен Г. Хива, в нынешнем своем состоянии. *Отечественные записки*. Т. VIII. СПб.: В Гутенберговой типографии, 1840. С. 95–127 [Helmersen G. Khiva in Its Current State. *Notes of the Fatherland*. Vol. VIII. 1840. Saint Petersburg: Gutenberg Printing House, 1840, pp. 95–126 (in Russian)].
 6. Гиршфельд К. Г. *Военно-статистическое описание Хивинского оазиса*. Перераб. А. С. Галкиным. Ч. 2. Ташкент: Типография Штаба Туркестанского военного округа, 1903 [Girshfel'd K. G. *Military-statistical Description of the Khiva Oasis*. Revised by A. S. Galkin. Part 2. Tashkent: Printing House of the Headquarters of the Turkestan Military District (in Russian)].
 7. Гродеков Н. И. *Хивинский поход 1873 года. Действия кавказских отрядов*. СПб.: Типография В. С. Балашова, 1883 [Grodekov N. I. *The Khiva Campaign of 1873. Actions of the Caucasian Detachments*. Saint Petersburg: V. S. Balashov's Printing House, 1883 (in Russian)].
 8. Залесов Н. Г. *Миссия в Хиву и Бухару в 1858 году флигель-адъютанта полковника Н. Игнатьева*. СПб.: Гос. тип., 1897 [Zalesov N. G. *Mission to Khiva and Bukhara in 1858 of the Adjutant Colonel N. Ignatiev*. Saint Petersburg: State Printing House, 1897 (in Russian)].
 9. Иванов П. П. *Архив хивинских ханов XIX в. Исследование и описание документов с историческим введением. Новые источники для истории народов Средней Азии*. Л.: Гос. публичная библиотека, 1940 [Ivanov P. P. *Archive of the Khiva Khans of the 19th Century. New Sources for the History of the Peoples of Central Asia*. Leningrad: State Public Library, 1940 (in Russian)].
 10. Извлечения из «Гульшен-и-Девлет», сочинение Мухаммед Риза-мираба, прозванного Агехи. Рукопись ИВ АН, В 1891. *Материалы по истории туркмен и Туркмении*. Т. II. Отв. ред. А. К. Боровков. М. — Л.: Изд. АН СССР, 1938. С. 562–610 [Agahi. Extracts from “Gul'shen-i-Devlet”. *Materials on the History of Turkmens and Turkmenistan*. Vol. 2. Ex. ed. A. K. Borovkov. Moscow — Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1938, pp. 562–610 (in Russian)].
 11. Извлечения из «Рияз-уд-довле», сочинение Мухаммед Риза-мираба Агехи. Рукопись ИВ АН Д 123 (590ос). *Материалы по истории туркмен и Туркмении*. Т. II. Отв. ред. А. К. Боровков. М. — Л.: Изд. АН СССР, 1938.

- C. 427–476 [Agahi. Extracts from “Riyoz ad-dovla”. *Materials on the History of Turkmens and Turkmenistan*. Vol. 2. Ex. ed. A. K. Borovkov. Moscow — Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1938, pp. 427–476 (in Russian)].
12. Мунис ва Огаҳий. *Фирдавс ул-иқбол* (Райский сад преуспевания). Масъул муҳаррир: Шодмон Воҳидов. Тошкент: Янги асравлоди, 2010 (на чагатайск. яз.) [Munis, Ogahiy. *Firdaws al-iqbal* (The Paradis of Prosperity) Ed. by Shodmon Vohidov. Tashkent: Yangi asr avlodi, 2010 (in Chagatai)].
 13. Муравьев Н. Н. *Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров*. Ч. 2. М.: Типография Августа Семена, 1822 [Murav'ev N. N. *A Journey to Turkmenistan and Khiva in 1819 and 1820 by Guards General Staff Captain Nikolay Murav'ev Sent to These Countries for Negotiations*. Part 2. Moscow: Printing house of August Semen, 1822 (in Russian)].
 14. Огаҳий. «Гулшани-давлат»дан (Из «Гулшани-давлат»). В: Огаҳий. *Асарлар* (Сочинения). VI жилд: *Тарихий асарлардан парчалар* (Т. 6: Выдержки из исторических трудов). Тошкент: Фафур Фулом номидаги адабиёт ва санъат нашриети, 1980. С. 127–201 (на чагатайск. яз.) [Ogahiy. From “Gulshani-davalat”. In: Ogahiy. *Works*. Vol. 6: *Excerpts from Historical Works*. Tashkent: G'afur G'ulom nomidagi adabiyot va san'at nashriyoti, 1980, pp. 17–170 (in Chagatai)].
 15. Огаҳий. «Риёзуд-давла»дан (Из «Риёзуд-давла»). В: Огаҳий. *Асарлар* (Сочинения). V жилд: *Тарихий асарлардан парчалар* (Т. 5: Выдержки из исторических трудов). Тошкент: Фафур Фулом номидаги адабиёт ва санъат нашриети, 1978. С. 17–170 [Ogahiy. From “Riyozud-davla”. In: Ogahiy. *Works*. Vol. 5: *Excerpts from Historical Works*. Tashkent: G'afur G'ulom nomidagi adabiyot va san'at nashriyoti, 1978, pp. 17–170 (in Chagatai)].
 16. Самойлович А. Н. К вопросу о сартах. *Живая старина*. Вып. 1–4. СПб.: Типография Министерства Путей Сообщения, 1910. С. 265–269 [Samojlovich A. N. On the Question of the Sarts. *The Living Antiquity*. Issue 1–4. Saint Petersburg: Printing House of the Ministry of Railways, 1910, pp. 265–269 (in Russian)].
 17. Сведения о Хивинском ханстве. *Журнал мануфактур и торговли*. Ч. 2. СПб.: Тип. Департамента Внешней Торговли, 1843. С. 77–162 [Information about the Khanate of Khiva. *Journal of Manufactures and Trade*. Part 2. 1843. Saint Petersburg: Printing House of the Department of Foreign Trade, 1843, pp. 77–162 (in Russian)].
 18. Хорошхин А. П. Воспоминание о Хиве. *Сборник статей, касающихся до Туркестанского края*. СПб.: Типография и хромолитография А. Траншеля, 1876. С. 473–483 [Horoshkhin A. P. Memories of Khiva. *Collection of Articles Relating to the Turkestan Region*. Saint Petersburg: Typography and chromolithography of A. Transhel, 1876, pp. 473–483 (in Russian)].
 19. Abbott, Capt. James. *Narrative of a Journey from Heraut to Khiva, Moscow and St. Petersburg, during the late Russian invasion of Khiva. With some Account of the Court of Khiva and the Kingdom of Khaurism*. Vol. 1. London: William H. Allen and Co., First Edition, 1843.

20. Agahi, Muhammad Riza Mirab. *Jami' al-Vaqi'at-i Sultani*. Ed. in the original Central Asian Turki with an Introduction and Notes by Nouryaghdi Tashev. Samarkand — Tashkent, 2012 (in Chagatai).
21. Agahi, Muhammad Riza Mirab. *Zubdat al-Tavarikh*. Ed. in the original Central Asian Turki with an Introduction and Notes by Khilola Nazirova. Tashkent — Samarkand, 2016 (in Chagatai).
22. Bregel Yu. The Sarts in the Khanate of Khiva. *Journal of Asia History*. Vol. 12. No. 2 (1978), pp. 120–151.
23. Riza Quli khan hidayat. *Sifarat namah-'i Khwarazm (A Comission to Kharazm)*. Ed. by Jamshid Kiyanfar. Tehran: Miras-I Maktub, 2006 (in Persian).
24. Sartori P., Abdurasulov U. *Seeking Justice at the Court of the Khans of Khiva (19th — early 20th Centuries)*. Leiden — Boston: Brill, 2020.

Информация об авторе

Вдовин Сергей Сергеевич — научный сотрудник Центра исламских рукописей Института востоковедения Российской Академии наук, Москва, Россия; sergey11vdovin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3493-3963>.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 30.01.2026; одобрена рецензентами 15.02.2026; принята к публикации 16.02.2026; опубликована 30.03.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Sergei S. Vdovin — Researcher, Center for Islamic Manuscripts, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; sergey11vdovin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3493-3963>.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 30.01.2026; approved after reviewing 15.02.2026; accepted for publication 16.02.2026; published 30.03.2026.

The author has read and approved the final manuscript.